

В

ышел в свет и непременно найдет своего благодарного читателя новый роман известного писателя-историка В.А. Бахревского в 2-х книгах: «Долгий путь к Богу» и «Искания на Святой Горе»¹ о судьбе блестящего русского офицера, ставшего афонским монахом.

Писатель в «Послесловии автора» так высказался о своем произведении: «Скорее всего, это самая горестная моя книга о России, о дивном русском человеке, верящем в правду и во Иисуса Христа».

Почему самая горестная книга? Что имел в виду автор, так характеризуя свой роман? Возможно, сопоставляя это произведение со всеми предшествующими, он хотел указать на то, что в разные исторические периоды, о которых ему приходилось писать ранее, Россия и русские люди сообща побеждали все горести и невзгоды, выпадавшие на их долю, а вот те испытания, которые были посланы русскому народу в конце XIX — начале XX веков (о чем он и повествует в последнем романе), оказались катастрофическими, обрушившими великий народ и великую державу на погибель духовную и физическую. Но и то, что случилось с Россией в

---

¹ Бахревский В.А. Искания на Святой Горе. М., «Вече», 2020; Долгий путь к Богу. М., «Вече», 2020.

начале минувшего столетия, не убило ее и не лишило русского человека его духовной силы, его самосознания, его русскости, соборности его мышления! Доказательств тому множество. Но вернемся к роману.

Историческое время действия в произведении — последняя четверть XIX века и далее до 1919-го, года смерти А.К. Булатовича от рук бандитов под предводительством председателя Луциковского совета Левко, осужденного при царе за грабеж на сибирскую каторгу. И хотя в центре повествования — судьба русского офицера, а потом афонского монаха, это не роман-биография, а основательное историческое повествование о «горестном» времени для России, о закате ее имперскости и полном ее разрушении как государства. Писателю блестяще удалось воспроизвести особенности исторического бытия как всего русского общества того времени, так и жизни отдельного человека.

Более того, жизнь и бытие Александра Булатовича органично вписаны в исторический контекст эпохи, что привлекает читателя и просвещает его, укрепляя в нем интерес к историческому прошлому своего Отечества. Можно сказать, что Бахревский таким образом выполняет завет А.С. Пушкина о том, что «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно».

В первой книге «Долгий путь к Богу» писатель знакомит читателя со своим героем, описывая самое счастливое время в его жизни — детство. Используя хронологический принцип изложения событий, единственно возможный в исторической прозе, автор, изображая детские годы А. Булатовича, акцентирует внимание на особенностях воспитания и образа жизни дворянского сословия, что многое объяснит потом в его характере, действиях и намерениях. И это не что иное, как соблюдение установленных традиций семейного и общественного характера; неукоснительное следование правилам церковной жизни; воспитание личности на собственном примере; сохранение семейных ценностей и многое другое. Предельно кратко, но ярко и выразительно писатель воссоздает удивительную атмосферу жизни семейства Булатовичей, наполненную взаимной любовью, душевной близостью и добротолубием. Так, никого не оставит равнодушным описание переживаний греха семилетнего Александра, содеянного им в пять лет. Зная историю своего пращура, Саина Булата, потомка ханов Золотой Орды, крестившегося, бывшего Касимовским царем, служившим Иоанну Грозному, который и посадил его на свой трон с титулом великого князя всея Руси, и тот был 11 месяцев царем Руси, а Борис Годунов жестоко с ним расправился, — зная историю, которую поведала ему мама, он «отомстил» Годунову, продырявив тому глаза на гравюре учебника истории: «Теперь вырос и в свои семь лет страдал за совершенное зло. Тот, кто отвечает злом на зло, предает Иисуса Христа. Конечно, картинку можно было сжечь, порвать, выбросить, но совесть знала о содеянном. Александр хранил ужасную картинку, не умея отомолить непоправимый грех».

Не случайно использует писатель и образ-символ волка в первой главе, которая так и названа: «Волк». Вот так сразу, без подготовительных описаний и лирических отступлений перед читателем оказывается малолетний герой, победивший зверя, не убоявшийся волка, оказавшегося в десяти шагах перед ним. Случайно это или нет? Задумается каждый, прочитавший эту страницу романа. Как окажется, еще не один раз в жизни Булатовича возникнут подобные угрозы, перед которыми он устоит благодаря своей твердой вере в добро и правду, вере в Бога.

Весьма характерна для этого произведения и новая стилистика — фраза здесь предельно краткая, яркая и выразительная. Писатель сознательно отказывается от сложных синтаксических конструкций, велеречивости, с тем чтобы точно, без лишних слов, сообщить о самом главном. Поэтому многие высказывания характеризуются особой отточенностью формы, приобретают меткость и концентрируются на сути описываемого.

Владислав Бахревский, не однажды обращавшийся к миру детства, создает уникальные образы детей и подростков в разных повестях, скизах и рассказах. Говоря о детях и для детей, автор прекрасно чувствует великую созидательную силу детской любви, а также ее искренность и глубину. Александр Булатович — герой, наделенный способностью к любви, сопереживанию, жертвенности. В романе процесс становления личности Александра показан совершенно естественным, гармонично окормляемым и религиозной, и светской властями. Оказавшись в Александровском лицее (а попасть в него — большая честь, ведь это то учебное заведение, в котором в свое время обучался А.С. Пушкин и целая плеяда лучших его современников, ставших элитой русского общества), юный Булатович в высшей степени ответственно и достойно относился к новому своему положению и задачам: «Российская империя облекла его в самую себя. Он перестал быть маминим, перестал быть отроком из никому не ведомой Луциковки, даже Боговым перестал быть. Он — империя, благословленная Вседержителем, и еще — лицеист; свой Пушкину, свой канцлеру Горчакову, свой Глинке. Он — плоть мысли Александра Благословенного, создателя лицея. Пусть приготовишка, но тезка царя!» Заметим при этом, что писатель подчеркивает главный принцип обучения в лицее, формировавший цельную, гармоничную, самостоятельно мыслящую личность. Этот принцип когда-то сделал русское образование лучшим в мире; этот принцип не до конца еще утрачен и в современной России. Вот как напутствовал вновь поступивших классный наставник, воспитатель: «Главное правило доброй методы учения в лицее состоит в том, чтоб не затемнять ум детей пространственными изъяснениями. Но! Возбуждать собственное действие ума. Ступайте, смотрите и слушайте, что скажет вам ваше сердце».

Интересно и то, как писатель характеризует поведение своего героя — практически в констатирующей, лаконичной фразе он указывает на случайные или не случайные закономерности его лицейской быстроменяющейся жизни. При этом знаки судьбы Александр всегда, не только в лицейской жизни, но и в другие ее периоды, воспринимал как правильную подсказку Всевышнего и с ходом времени только укреплялся в этом своем убеждении. Он принимал как должное строжайшие порядки лицея, неукоснительно следуя его правилам: «Пуговицы должны быть застегнуты, и сам ты должен быть застегнут. Разгильдяй на службе государству — бедствие». А потеряв старшую сестру Наталью, умершую от брюшного тифа, он последние деньги отдал нищему на кладбище, как это сделал бы любой русский человек, и получил взамен казенную пуговицу — очевидно, тоже то последнее, что было у просителя, сказавшего ему: «За твоё бескорыстие. За твою твердость в добром». Как потом оказалось, это была миниатюрная икона Иисуса Христа в форме пуговицы, хранившая его от бед и напастей. Что этим хотел сказать нам писатель? Что нужно жить по совести, быть в ладу с самим собой, как его герой? Что нужно прежде думать, а потом совершать действия? Что человек приходит в этот мир, чтоб прежде отдавать, созидать во имя блага других людей — другими словами, жить по-христиански? Автор произведения не случайно акцентирует внимание на этих нравственных вопросах бытия человека. Зная неуспокоенность и великую совестливость русской души, Владислав Бахревский, наделяя своего героя — историческую личность! — этими же качествами, подтверждает истинность существования особого русского мира.

Но прежде чем Александр Булатович всерьез начнет задаваться такими вопросами, он пройдет непростой путь испытаний светской жизнью (в частности, и идеями великого Л. Толстого после прочтения в карцере его «Исповеди»), отчего переживет чувство собственной нечистоты и примет правильное решение о покаянии в грехах батюшке Иоанну Кронштадтскому. Получив духовное наставление отца Иоанна («Тебе надо постричься. Не теперь... Господь укажет — когда. Бу-

Александр Ксаверьевич Булатович

дешь доволен жизнью. России послужил, царю»), Булатович по возвращении из Кронштадта почувствовал себя отроком, «будто только из Луциковки», по сути, вернулся обновленным, духовно прозревшим, увидевшим настоящий смысл своей жизни. Еще не однажды побывает Александр Булатович у батюшки Иоанна, и все их беседы будут укреплять его в избранном пути, а духовное наставничество последнего сформирует в нем высокие принципы служения Государю России (в светской жизни) и Господу Иисусу Христу (в церковной жизни). Везде, где бы не оказался Булатович — в Эфиопии в составе отряда Красного Креста, проводившего исследование природы и народов этой христианской страны в Африке, или в Манчжурии во время войны с Китаем, — он не расставался с мыслями и книгой отца Иоанна «Мысли христианина» и даже читал ее главы казакам перед боем. Так и постигал высокие Божественные истины и откровения, а значит, готовил себя к духовному служению Богу вплоть до ухода в отставку в 1906 году и отъезда на Святую Гору. В одном только не до конца был согласен Александр с батюшкой Иоанном: будучи уже послушником, с игуменом своего монастыря отправился вновь в Кронштадт и по пути изучил брошюру Иоанна Кронштадтского «Против графа Льва Н. Толстого, других еретиков, сектантов и раскольников», в которой великий писатель осуждался за отпадение от веры, за гордычество. Понимая, что «Толстой — это Россия», и что искания истины привели писателя к трагическим противоречиям в его позиции, Александр принимает поистине мудрое решение: не вникать в спор, но оставаться с Россией, православным народом, быть ему верным, служить ему и государю. И в этом, кстати, сказалась и лицейская школа, которая учила думать и самостоятельно принимать решения, уходить от всевозможных влияний.

О пребывании А. Булатовича в Эфиопии следует сказать отдельно. Еще с лицейских лет он мечтал побывать в этой африканской стране, жители которой исповедовали христианскую религию. Мечта осуществилась только в 1896 году, когда Николай II подписал ходатайство Булатовича об его участии в статусе частного лица в миссии Российского общества Красного Креста с целью оказания лечебной помощи раненым и больным в Эфиопии. Конечно, ставилась и другая задача — установить дружеские отношения России с христианской Эфиопией. И вот эту-то задачу и решил — по сути, вопреки воле Менелика II — Булатович, все же

оказавшийся благодаря волевому решению и счастливому случаю во дворце эфиопского царя и убедивший того в том, что у русской миссии кроме медицинской помощи пострадавшим других целей нет. В этом проявилось его дипломатическое умение расположить к себе, заинтересовать общим делом, в том числе и служением Господу, и, конечно, военное мастерство и смекалка, способность практически не раздумывая принимать важное решение. Поразил он эфиопского царя и многим другим: и быстротой передвижения, за что был назван человеком-птицей, и умением вести топографическую съемку местности, чему захотел учиться у него сам Менелик II. Ведение дневников во время всего пребывания в Эфиопии — а это три поездки с разными целями — дало ему возможность потом написать книгу об этой стране.

Вторая поездка Булатовича (уже в статусе члена дипломатической миссии) была ознаменована не только упрочением отношений России и Эфиопии, но и поддержкой действий Менелика II по объединению эфиопских земель, т.е. укреплению позиций государства, разработке стратегии борьбы с внешними врагами страны — арабами, англичанами и итальянцами. И третья поездка — это осуществление военных задач разведывательного и стратегического характера. Помощь эфиопскому государству оказалась поистине великой: оно сохранило свою независимость в первую очередь от главного колонизатора того времени — Англии. И все это — благодаря мудрым и действенным тактическим советам (создание действующей армии, защита западных границ Эфиопии, обеспечение неприкосновенности западных территорий и др.).

Не менее важный вклад внес А. Булатович и в географическое дело — создал карту Эфиопии, открыл хребет, благодарно названный Менеликом II в честь Николая II, исследовал северные оконечности о. Рудольфа. В этом проявилось и еще одно его качество — осуществлять исследовательскую работу в самых непредсказуемых условиях. Другими словами, Булатович в любом деле проявлял себя как настоящий герой, верой и правдой служивший Отечеству, в любых ситуациях выполнявший поставленные перед ним задачи.

В романе немало исторически верных обобщений о судьбе России и русского народа, и передаются они в форме размышлений уже послушника Александра. Примечательно, что в предшествующих исторических романах Бахревского мы практически не встретим таких внутренних монологов. Вот один из них: «Ночами послушник Александр читал Евангелие и молился... Сколько убито не умеющих воевать монголов-табунщиков, крестьян Маньчжурии? А каково содружество убийц! Великобритания, Франция, Германия, Россия — столп православия. Китай просил у России помощи — единственно честная страна, а царь к шайке пристал. Великобритания — кровавый пират. Франция да Германия на вселенский грабеж опоздали, рвут, как псы, что перепадает со столов гегемонов. И Россия туда же».

Не эти ли бесславные события подрывали мощь России, не эти ли результаты имел в виду писатель, называя свою книгу самой горестной? Возможно, и это тоже. Но все же главным было другое — отразить всю сложность исторического, судьбоносного периода в развитии России в зеркале жизни уникальной личности. Именно поэтому таким интересным представляется путь исканий Булатовича, его последовательное стремление к достижению поставленной цели, его борьба с обстоятельствами, которые он побеждал или с которыми смирялся, если то было нужно. Вольно или невольно начинаешь понимать, как в сомнениях и борениях соиздавался этот необыкновенный, ни на кого не похожий русский человек, почитающий свое прошлое и думающий о будущем, и будто бы именно его духовный портрет так прозорливо был написан когда-то А.С. Пушкиным:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека, —
Залог величия его.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва;
Без них наш целый мир — пустыня,
Душа — алтарь без божества.

И понятным становится то, почему (совсем не случайно) Бахревский подчеркивает в характере сначала маленького Александра, а потом уже взрослого послушника знание своих корней, своей родословной и почтительное отношение к славному прошлому своих предков. Это-то и давало ему силы в борьбе со всем чуждым и искусственно навязываемым как в светской жизни, так и в монашеской. Заостряет внимание писатель и на том, что сам Александр немало сделал для того, дабы «свое суждение иметь», стать свободно мыслящим человеком, понимать происходящее в себе самом и в окружающем обществе. Внутренние монологи и риторические вопросы помогают автору рассказать о чрезвычайной ответственности за поступки и постоянном и органичном стремлении к самоорганизации и самопознанию — поистине, великих качествах его героя: «Свершилось. Послушник. Учись огораживать себя от жизни. Было и перестало быть. Гусаром, как нарядная бабочка, порхал по Петербургу, по Африке. Гусеницей опутывал Маньчжурию и самого себя, но не шелковой нитью — войной: обернулся куколкой. В куколке жизнь потаенная: впереди преображение. Но что оно такое?». А жил так Александр Булатович, как это следует из романа, потому что стремился всегда к высокому, к познанию истины бытия человека, что и требовало стойкости и мужества в принятии самых ответственных, судьбоносных решений. И даже в свой смертный час он остался верен себе, той высокой правде, которую решил познать.

Как видим, Владислав Бахревский в этом произведении, показывая великую трагедию России, ищет объяснения ее причин, указывает на враждебные силы, в частности, действия министра иностранных дел Гирса, стремившегося быть полезным Бисмарку в Германии, Дизраэли в Англии, Андраши в Австро-Венгрии и запрограммировавшего «все будущие беды империи, которой служил, и все трагедии Европы». И главное — писатель призывает всех изучить и осознать эти трагические уроки истории, дабы не допустить их повторения. И то, что подобные размышления формируются в сознании современника и участника тех событий, одного из лучших русских интеллигентов-патриотов и одновременно такого же обычного дворянина, как и многие, веско и убедительно опровергает существующее утверждение наших историков о том, что именно интеллигенция предала народ, а значит, и государство в страшном 1917 году. Таким образом, воссоздание образа поистине героической личности А. Булатовича — это не что иное, как исполнение писателем его гражданского и человеческого долга перед Отечеством и народом Русским!

Вторая книга исторической диалогии о Булатовиче «Искания на Святой Горе» посвящена его другой — монашеской — жизни на Афоне, его духовному служению русскому воинству во время Первой мировой войны и, конечно, его борениям и исканиям, без коих эта личность и немислима вообще.

Трудные, а порой неподъемные пути выбирал иеросхимонах Антоний (Булатович), но для него борения и искания — не новый способ существования, ско-

рее, наоборот, единственно возможный в сложившихся общественных и личных обстоятельствах. В таком его выборе и сложилось то «величие и самостоянье», к которому всегда стремился и которое обретал русский человек. Это подчеркивает писатель в подзаголовке к книге: «Служение и борение иеросхимонаха Антония». И уже первые страницы повествования убеждают в том, что Булатович, теперь монах Антоний, не отступил от своих принципов, не изменил своих убеждений, не приспособился к ситуации, не искал личной выгоды в происходящем, а остался собой, хотя и с горечью осознал, что «жить в ладу с совестью — удел нищего».

Исторические обобщения, которых немало в первом романе, присутствуют и во второй книге. Это то новое в плане формы, что привносит писатель в диалогию. В предельно короткой, лаконичной фразе, содержащей одновременно описание сути события и его оценку, Бахревский добивается ясности и точности в передаче не только факта, но и верности его восприятия. Эта смелость и предельная откровенность мышления героя (читай в подтексте — писателя) не просто заинтересовывает и привлекает, она приковывает, ведет за собой, обогащает и формирует позицию. Это становится потребностью и, вольно или невольно, но именно таких открытий ждешь и предвкушаешь в последующем чтении. Вот, к примеру, то, с чего начинается свою новую жизнь монах Антоний, приближаясь к Афону: «В сердце, как отпечатанные, слова батюшки Иоанна: “Новый человек, обновленный, находит удовольствие в послушании, а ветхий хочет противиться и непокорствовать”. Довольно непокорствовать. Изжито. Перед глазами встали неведомо отчего другие два царства: Николая II и Менелика II. Менелик на лошади под огромным деревом, отравленный. Николай Александрович у картины Нестерова, на которой Сергей Радонежский с пилой... О, этот синий взор! У наследника — гемофилия, проиграна война с островной Японией, 9 января навеки с именем Николай Кровавый. Тысяча верст железной дороги, залитой не наводнением, а тоже кровью».

Невероятно, но именно благодаря таким историческим обобщениям, к которым так часто приходит в мыслях монах Антоний, готовясь к очередному, новому этапу своего существования, автор демонстрирует чувство слиянности отдельной личности с обществом и миром. Его герой словно сверяется с вселенским хронометром: успеет ли, сможет ли, достоин ли? Несомненно, это и многое другое делают личность Булатовича уникальной, достойной преклонения и подражания, ибо именно такие люди творили и укрепляли Русь и русского человека, являясь настоящими подвижниками, столпами общества. Об этом свидетельствует и то великое дело защиты Имени Божьего, от которого монах Антоний не только не отказался, но всем своим существом ринулся в него, как в праведный бой. Дело это до сих пор не разрешено Русской Православной Церковью окончательно, о чем в послесловии к роману автор дополнительно сообщает: «Иеросхимонах Антоний — единственный заступник афонских монахов-простецов. Полуслепой, писал книги, защищая имя Иисуса Христа от книжников, писал царю письма, умоляя спасти от гнева Божия монархию и Россию. Царь жалел гонимых старцев Афона, да не избавил от безобразных поруганий. До сих пор нет соборного решения о том, велико ли заблуждение иеросхимонаха Антония». Суть этой церковной распри заключалась в том, что среди русских афонских монахов были те, которые почитали Иисусову молитву и следовали утверждению Иоанна Кронштадтского о том, что «Имя Бога есть Он сам», следовательно, славили Иисуса Христа — и были названы *имяславцами*. И были те, которые боролись с прославлением Иисусовой молитвы и относили имя Иисуса к явлению тварному, то есть отрицали Божественность Иисуса Христа и назывались *имяборцы*. Таким образом, монаха Антония (Булатовича), поддержавшего Иоанна Кронш-

тадского и афонских монахов-престецов (так их называли за естественную наивность их веры книжники и умники, которых на Афоне было тоже немало), церковные иерархи обвинили в ереси и раскольниковстве. Понимая всю сложность ситуации, Булатович обратился с письмами к Николаю II о помощи и защите всех, оказавшихся под угрозой изгнания со Святой Горы, что и произошло в итоге по ходатайству самого государя, передавшего решение вопроса церковным властям.

Владислав Бахревский со свойственным ему стремлением во всем разобраться, восстановить историческую справедливость и обнажить правду истории этой проблеме посвящает большую часть книги. В первую очередь, писатель показывает духовное сопротивление монаха Антония злым силам, которые, по сути, разделили русское монашество Афона на два враждующих лагеря. В своем размышлении о случившемся он приходит к следующему: «У судьбы случайностей нет. Хуления на имя Господне — всполох сражения неба и ада. Всполох, подготавливающий приход антихриста. Для поклонников учености имя Иисус — тварный звук, тварные буквы. Рабы образования, рабы своего ума, рационалистически расщепляют имя Иисус на ипостась Бога и человека».

Когда церковная власть не противостоит неразумности зарвавшихся политиков, как это произошло с изгнанием и последующими преследованиями 700 русских афонских монахов, случается не просто поражение — происходит катастрофа государственного масштаба. О последствиях нарушения симфонии властей в дореволюционной России писал Иоанн Ладожский в книге «Симфония властей». В романе эта суровая правда истории показана глазами монаха Антония, человека далекого от политики, но болевшего душой за все то, что происходило в Отечестве. Поняв, что защищать имя Господне на Афоне некому, он обратился в Священный Синод, пытаясь предотвратить грядущую трагедию. «Своими хулами в “Русском иноке” архиепископ Антоний осквернил и заразил, и возмутил все Русские и Афонские монастыри, и вызвал в них раскол. И если Святейший Синод не обратит должного внимания на архиепископа Антония и его ересь, то и в России неминуемо произойдет раскол».

Это предупреждение иеросхимонаха Антония (Булатовича) не было услышано ни церковной, ни светской властями: уж больно невероятным оно казалось в 1912 году! Увы, когда утрачивается симфония властей — происходит ли это внутри церкви или в светской жизни; а еще хуже, когда разлад возникает между церковной и светской властью — торжествует зло, что и ведет к утрате всего, в том числе и государственности. В такое вот трагическое время жил и боролся со зловещими угрозами Александр Булатович, но не отступил, не сдался, а вел свою борьбу честно и до конца. А оказавшись на передовой (добровольцем в составе отряда Красного Креста ушел на войну в 1914 году), совершал подвиги духовного служения и даже воинского. Неожиданно подняв в атаку казаков, отбил у противника важный плацдарм, за что и был удостоен высокой награды Наперстного Креста на георгиевской ленте. В этой кампании для Булатовича все было важно — и, конечно, важнее всего было понять, в какой войне он вновь участвует: «Война идет второй месяц, а ее уже зовут Первая мировая. А не образ ли службы в одиночестве — конца войны? Не в пустых ли храмах будут служить священники, вымаливая у Бога — людей? Не опустеет ли земля? В Пруссии за неделю убыль в народе, немцев и русских — полмиллиона. С австрияками война не больно кровавая пока что. И осенило: ложь! Разве это Первая мировая? Нынешняя война такая же колониальная. Германия с Австрией норовят прихватить дикую Россию, а так как на них пошли Англия с Францией и прочая мелкота, то, покрыв Европу флагом немцев и австрияков, можно будет все колонии под себя подгрести».

Наиважнейшим в той ситуации стал поистине невероятный поступок, характеризующий Булатовича как достойного человека, — он написал заявление Святейшему Патриарху Тихону и Священному Синоду Руссой Православной Церкви «об отложении от духовного общения с церковной властью ради исповедания им благолепности почитания имени Господня». Вот он, настоящий русский характер, явление «величия и самостоянья» — реализованное упование А.С. Пушкина!

Познав историю и судьбу Александра Ксаверьевича Булатовича, так мастерски воссозданную Владиславом Бахревским, понимаешь и сказанное писателем о своем герое в послесловии: «Булатович — среди творцов истории. Но творящие легенды (читай — прислуживающие власти предрержащей историки) не заметили ротмистра лейб-гвардии, афонского иеросхимонаха. Как услышите эти два слова — “русский офицер” — пусть чистый лик Булатовича встанет перед вашим внутренним взором. Самой Англии не позволил превратить в рабов золотокожих христиан Эфиопии. Потом война в Маньчжурии, Германская война. Где сражался, а где молился, но на поле боя».

Очевидно, что А. Булатович всей своей жизнью и деяниями доказал простую истину: жить и трудиться во имя добра и справедливости, во имя счастья своего народа — и значит быть Человеком!

